

На шахтах Воркуты, в забоях Колымы. Труд в лагерях

На всех предприятиях СССР висели плакаты со словами Сталина: "Труд в советской стране есть дело чести, дело славы, дело доблести и героизма!" Цинизм этих слов сполна познали заключенные сталинских лагерей, чей труд был превращён в пытку и бесконечное унижение. Вот что они рассказывают.

***Елена Владимировна Маркова** родилась в 1923 г. в Киеве. Родители репрессированы в 1937 году. В 1941-1943 годах находилась на оккупированной территории. После освобождения области советской армией была арестована органами НКВД. 10 лет была заключенной Воркутлага.*

Значит, как мы в шахту отправлялись. Нас подгоняют, значит, после пересчитывания, после конвоя, там, и так далее, мы подходим к такой зияющей пасти чёрной - это спуск в шахту. Значит, шахта 9 – это горизонтальная проходка. И мы идём в темноте с этими, с шахтёрскими лампочками, у которых свет так горит, горит неопределённо, и ничего не освещает, мигающий такой свет. Вот мы спускаемся по каким-то мосткам, проваливаемся, падаем, пока дойдём до нашего штрека. Дошли до штрека. Меня отправили работать на рештаке.

Это вот тот путь, который должны пройти, уголь должен пройти от места, где его взрывают в забое, до вагонеток, которые ходят по штреку. А моя задача этот уголь проталкивать.

А, значит, я - каторжанка с лопатой стою у рештака и должна проталкивать быстро, проталкивать, проталкивать уголь. Но я с этой работой, справиться, особенно вначале, не могла. А там вверху взрывают уголь. И уголь нарастает, нарастает, нарастает. И вот, этот небольшой проход, где рештаки от забоя до штрека, он начинает забиваться углём. Бригадир прибегает. А у нас начальство, бригадиры, были уголовники.

И начинает меня избивать. Вот такой первый день, как вы говорите, как я оказалась в шахте.

Я работала на вагонетках. Это потом с шахты номер девять мы попали на шахту номер два. И там вот, под землёй я работала на новой для меня работе, на вагонетках. То есть лошадей тогда не было под землёй. Но в эти годы, о которых я говорю. Потом лошади появились. И каторжанки вместо лошадей вот эти толкали вагонетки угля по штреку. И я среди них. Было очень много несчастных случаев.

Новые этапы всё время приходили, и женские тоже. И вот нам в новом этапе попала одна очень молодая девушка, что-то ей лет было восемнадцать. Нам уже было двадцать, двадцать два, двадцать три, а она совсем молодая была и очень красивая.

Вначале мы все были поражены, какая красивая девушка. И, естественно, не только мы, а мужское соответствующее население тоже. И её там хотели куда-то определить по рукам, и не нашли, куда. Или перессорились. И спустили в шахту. И что вы думаете? Она тоже на откатке. Она в первый же день попала в аварию, и ей отрезало две ноги.

Михаил Иосифович Тамарин родился в 1912 г. Студент, арестован в Москве в 1937 г. До 1942 г. находился в лагерях на Колыме. Повторно арестован и приговорен к и бессрочной ссылке в Красноярский край.

Вот так я очутился на прииске имени Берзина, был прииск имени Берзина, и вывеска была такая “Прииск имени Берзина”, а потом, понимаете, переименовали на Верхний Ат-Урях, потому что Берзина в конце концов арестовали. Вот такое, и в этом лагере я пробыл ровно пять лет, ровно пять лет, в основном, понимаете, ходили в ночную смену в ночную смену в забой, вскрывали так называемые торфа, торфа – это верхний слой над э-э-э, золотоносным слоем.

Золотоносный слой, он всегда был в воде, потому что оттаивали же, вечная мерзлота, и всегда работали в воде.

И вот мы там все время ночами работали, заставляли много работать, конечно, причем смена выходила что-то в пять или шесть часов утра и до утра. Причем, конвой менялся, а мы оставались до выполнения норм. Без выполнения норм не выпускали с забоя никого. А инструменты были только одни – кайло, лопата, лом, тачка, и все, вот это наши инструменты были.

Значит, возили на тачках, грузили в вагончики, эти вагончики поднимались по эстакаде на терриконик, оттуда вагоны сбрасывали. Я стоял навстречу вагончикам, принимал.

И вот однажды трос закрутился и схватил мою, мою, это самое, телогрейку, и я повис на трос, а трос идет, через еще минут пять, и я погиб там бы. Но к счастью, понимаете, нашелся человек, который подбежал к рубильнику и остановил этот самый конвейер.

Но самое интересное, привезли одного юношу, юношу, значит, с ампутированной ногой. Он работал в бригаде, в бригаде, это зимой было, да, и во время работы, понимаете, скальная часть грунта, понимаете, обвалилась и придавила ему ногу. Придавила так, что двадцать человек с ломами не могли стронуть с места. Вызвали этого Токмакова, так он на месте ампутировал ногу и без ноги его привезли в палату.

Это пытка из пыток, вы себе представить не можете, когда в семь часов гонят в забой, да, и до семи, как минимум до семи утра, а то и, и ночная работа, холод, эти охранники костер зажгут и греет, причем костер, вызовут какого-то дурака, как я – принеси нам ветку или что-нибудь такое, чтоб в костер, и иди дальше работай.

***Витаутас Казюленис** родился в 1930 г. В 1947 вместе с родителями был выслан из Литвы в Тюменскую область. Вступил в организацию “Присяга в ссылке”. В 1951 г. был арестован и приговорен к расстрелу. Смертный приговор заменен на 25 лет лагерей. Участник Норильского восстания 1953 г. Этапирован на Колыму в 1954 г. Освободился из мест заключения в 1958 г.*

И тогда нас везли еще около 400 километров на золотые прииски. Ягодинский р-н, стан Утиный, но шахта, шахта Холодная. Там лагерь назывался Холодный, ну и холодно там было, холодно 15.02 И он между сопок, так солнца там, почти что не видишь солнца. Сопки кругом и мы как в гробу сидели там, как в гробу.

Я пошел в шахту, пошел в шахту эту. Боже мой!. Думаю, зачем мне это золото, зачем. Будь оно проклято это золото. И заведет там в эту шахту – не выйдешь, не выйдешь ты там. Там эти норы, идешь прямо, там на четвереньках. Но там горизонты есть. На горизонтах там есть вагонетки.

Там белый камень, белый. И вот возьму это белый камень, и перед солнцем блестит. Я говорю – вон, смотри, кусочек золота. А старый шахтер говорит: “Нет, -говорит, - это пирит”. Он тоже блеск имеет такой желтоватый.

Самое низкое там 300 метров под землей, самый последний горизонт. И поднимают наверх.

И обогатительная фабрика. Везет там и шаровые мельницы. Ну, шаровые мельницы там большущие и ссыпает этот камень, крутит и шарами этот делает пыль, пыль делает, а потом этот пыль по ленте идет и смывает.

Так наша шахта, смена наша до 30 килограммов давала одна смена. Одна смена, которая уже на обогатительной.

Там слухи такие – если вывозит, тебе становятся на аппарат такой - если золото найдет – расстрел. Короче так было, не было - не знаю. Но я знаю, что увезли золото некоторые.

Юрий Львович Фидельголец родился в 1927 г. Студент театрального училища, арестован в 1948 г по обвинению в создании антисоветской организации. Приговорен к 10 годам лагерей. 1950-1954 гг. находился в колымских лагерях.

Формировался этап на Усть-Неру, поселок Аляскитово, там был комбинат (Звонит телефон), горный комбинат, который обслуживал рудник вольфрамовый. И вот туда меня послали, и там я оказался. В шахту я не попал, в рудник сам, потому что у меня было слабое зрение, да и силенок маловато было. И они меня переслали с верхней зоны в нижнюю зону, где находилась обогатительная фабрика по обогащению руды.

Там все время текла вода, все сырое было насквозь. Ты сам промокал там, особенно зимой, это было очень тяжело. К тому же нас очень часто посылали на мороз в сырой одежде, что бы пробивать, вот, на/, там на отвале была воронка такая специальная, ну, лоток такой, который выходил туда.

И нас засыпало вот этим, значит, песком по колени и вмораживало нас, потому что большой мороз был, и мы, в конце концов, оказывались как бы в плену, во льду, впаянными в лед были, потому что морозы нас спаивали со льдом. И потом нас ломали выковыривали, и мы шли отогреваться в сушилку. С нас спадали целые корки, как будто латы, вот эти вот у рыцарей, такие с ног падали льдины.

Мы работали в этом песке, рыли этот песок. И в любой момент нас могло засыпать этим песком, а рыли мы довольно глубоко, ну, метра 3-4 в глубину, вот эти шурфы. И там нужно было со дна, значит, еще поднять эту породу пустую, ведрышком. И очень часто было так, что с боков, не выдерживало, там никаких креплений не было, с боков не выдерживал песок этот, оттаивал и засыпал нас там с головой прямо. Ну, откапывали, а если не успевали откапывать, значит готов уже, человек уходил на тот свет. Никто за это никакой ответственности не нес.

Ну, вот один раз меня тоже засыпало, я без сознания был. Там туркмен меня отгребал. Слава Богу, что я далеко не это самое, не был засыпан, не на самом низу там находился шурф этот, не полный был, что-то в порядке два с половиной метра. Ну, и меня быстро откопали, иначе бы я мог задохнуться.

Там шли зачеты вроде бы, и мы все работали и перевыполняли план на 120-130 процентов, это на обогатительной фабрике. И нам должны были ставить зачеты, но что-то я не видел ни одного человека, который бы по этим зачетам был освобожден из этого лагеря, из этого Берлага нашего, политического лагеря, вот. Я не видел таких людей,

Освободился я, когда уже был больной. Я там заболел туберкулезом, у меня начались кровотечения из горла.

Альгердас Унтанас родился в 1929 г., арестован за связь с литовскими партизанами в 1951 г. Приговорен к 25 годам заключения. Участник Норильского восстания 1953 г. Этапирован на Колыму. Освобожден в 1956 г.

Ну, вот так мы в Магадане расположились на прииске Холодном.

Латыш был, не помню его фамилии, но потешный. Ведёт меня, чуть не за шею. «Вот, смотри, чтоб попусту не бить камни. Где слой уже, как стекло, не камень, а кристалл, как стекло, вот в этом ищи золото». Вот я тогда там уже начал искать и находить.

А.К. Ну, вы должны были какие-то нормы сдавать за смену золота?

А.У. А, если б норму. Когда прииск был раньше, норму нужно было сдавать. Или шестнадцать грамм или, там, двадцать, не помню, какое количество. Сдал норму на прииске, прииск - это песок сеешь. И водой смываешь и собираешь. То, или двадцать грамм или... Не знаю, но норма была. Найдёшь хороший залежь, ты сдаёшь три, трёхдневную норму и лежишь. Им невыгодно стало.

Ну, так мы, которые, вот, уже чуть-чуть, духарики: «Общая мать!. Чтоб я поднимал советское могущество?!» Иду в отработанный карьер и бросаю. Я много, кому говорил: «Ух, если меня пустили туда, где я ссать ходил, или что, наброшено там до черта»! Или в уборной, в которой, вот, приходят в зону, нам приносят, вот, горсть. Идём в уборную и бросаем. Чтоб мы поднимали советское могущество... Вот так.

Елена-Лидия Павловна Посник родилась в 1924 году. В 1942 году находилась на оккупированной территории. Арестована в 1945 г., приговорена к 15 годам каторжных работ. В 1949-1954 гг. находилась в колымских лагерях.

Отправляют нас по Тенькинской трассе. Тенька. Усть-Омчуг. Конечный путь Бутугычаг.

Там уран. И там мужской лагерь. Когда мы приехали, деревьев нет, птиц нет. Голые скалы. Ну, голые, представляете? И солнца нет. Потому что солнце за горами. Здесь какой-то ручеек и какая-то растительность есть. Вот такая там, кустики. А нам надо лезть, в общем, километра два вверх по линии.

Шли мы сильно, дышать нечем. Горы. Ни есть, ни пить. Мы две недели не ели ничего. Красная рыба стояла бочками. Мы не ели её. Мы не могли.

Вот. И две недели нас никуда не трогали. Потому что мы до столовой если спускались, то назад уже лежали, а потом шли. А потом, вот, на общие работы. А это что такое? Называлось там касситерит. А теперь его называют, по-моему, уранит. Это чёрный камень, очень чёрный.

Это всё излучение идёт. Вот. Вот такой мешочек, это пятьдесят килограмм. Дают такой вот ящичек, вот такой. Вот такой размером. Значит, там, внизу взорвали. Этот песок кладут туда. На плечи, несёшь, там открывают,

высыпается. И высыпается, летит там куда-то. На второй горизонт. И таких горизонтов пять.

Короче говоря, а пока идёшь на эту самую, куда высыпать, сколько срывалось, и сколько там разбилось. Камни. Вот такие глыбы. И мне было не страшно. Упаду, ну, и ладно. Думаю, а мама как переживёт? Мне маму было жалко только.

Михаил Иосифович Тамарин

Там же на “Вы” никто не говорил, мы для них не людьми были, это было самое страшное, это было смертельно, это было ужас. Когда меня убрали из бани, когда это самое, меня перевели опять в бригаду, в эту бригаду под конвоем, слышите, под конвоем и шли в забой, да. Это было, конечно, ужасно. И я знаю, там был один знакомый, умер, умер в этой же бригаде, да, и еще там какой-то. Вы знаете, это я из смерти прямо выжил, это так повезло.

Использованы цитаты из интервью:

- Витаутас Казюленис (Вильнюс)
- Елена Владимировна Маркова (Москва)
- Елена-Лидия Павловна Посник (Москва)
- Михаил Иосифович Тамарин (Москва)
- Альгердас Унтанас (Вильнюс)
- Юрий Львович Фидельголец (Москва)

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)
Виктор Гриберман (Рига)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)
Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2012